

УДК 94:327

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ЕВРОПЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД РЕЛИГИОЗНОЙ БОРЬБЫ XVI в.

В статье рассматривается история дипломатических отношений XVI века в период религиозной борьбы в Европе. Автором сделан вывод о том, что на развитие конфессиональных и дипломатических отношений в то время большее воздействие оказала Контрреформация и религиозное противостояние.

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика, Контрреформация, Европа.

История дипломатических отношений в XVI веке в большой степени оказалась связанной со становлением новых национальных европейских государств, значительной интенсификацией международных контактов, в это время складывается система международных альянсов¹. Светская дипломатия уже превратилась в общеевропейский феномен и оказалась на службе у сформировавшихся государственных образований. Неслучайно в современной литературе дипломатическим новациям этого времени иногда придается даже большее значение, чем военной борьбе². К концу века формируется достаточно четкая система международных связей, в которую помимо европейских католических государств входили два иноконфессиональных – православное Московское государство и мусульманская Османская империя. По-видимому, первым договором с нехристианским государством в Европе являлся договор между Францией и Османской Портой, что вызвало бурю негодования в Европе.

Интеграция Европы одновременно сопровождалась и процессами дезинтеграции, обусловленной как

ЭЛЬФОНД И.Я.,
доктор исторических
наук, профессор
кафедры
экономической
и политической
истории России,
Саратовский
государственный
социально-
экономический
университет
Российского
экономического
университета
имени Г.В.Плеханова,
профессор кафедры
средних веков
Саратовского
государственного
университета имени
Н.Г.Чернышевского

традиционными конфликтами – династическими, территориальными претензиями, но все-таки постепенно на передний план выходит религиозное противостояние. Реформация обусловила раскол Европы и оказала значительное воздействие на развитие международных отношений. Тем более, что «в XVI веке поддержка определенной конфессии со стороны власти была отчасти самоутверждением государства»³, но только в первой половине века. Выстраданная религиозная независимость вела к общеевропейскому противостоянию. Политический смысл Реформации нередко заключался в противостоянии ее последователей верховной власти именем религии (если только вопрос не решался самим государем как в Англии, странах Скандинавии). Конфессиональные противоречия в Европе в силу этого резко усиливаются и дипломатические отношения значительно изменяются в период религиозной борьбы XVI в.

Религиозный раскол привел к политическому противостоянию, а борьба протестантизма с католицизмом особенно оказала влияние на дипломатические отношения. Аугсбургский мир по сути зафиксировал признание религиозного расчленения Германии (и шире империи) на основе признания принципа политического суверенитета. Любой князь получил законное право выбора религии в своих владениях и верховную власть в этом выборе. Поскольку речь шла о выборе между лютеранством и католицизмом, то церковь в протестантских княжествах подчинялась правителю, тем самым признавался политический суверенитет каждого из князей. Неслучайно во второй половине века из крупных княжеств католическими оставались после поражения Генриха Младшего Брауншвейгского только Австрия и Бавария и три церковных курфюршества. Религиозный мир способствовал укреплению и даже попыткам возникновения новых государств⁴. Религиозный вопрос оказался тесно связанным с вопросами государственности и, следовательно, неизбежно оказывал воздействие на решение вопросов международных отношений. Конфессиональный раскол приобрел исключительное значение в период Контрреформации, когда возникающие протестантские государства буквально судорожно ищут союзников против католицизма, перешедшего в наступление. Они были слабее, ведущие державы вследствие Реформации оказались расколоты, протестантский лагерь неоднороден и протестантские княжества даже борются друг с другом.

Конфессиональные противоречия обусловили заметные изменения в дипломатических отношениях. Первоначально эти новые явления накладывались на традиционный конфликт между Францией и Габсбургами, вызванный борьбой за политическую гегемонию в Европе. С 30-х годов XVI в. приобретает международное значение конфликт, вызванный религиозным расколом в Германии, между немецкими католиками и протестантами, сплотившимися в 1531 г. в Шмалькальденскую лигу. Последовательная политика Карла V в Германии определила резкий поворот в западноевропейских дипломатических отношениях: немецкие князья, последовавшие по пути Реформации оказались в оппозиции его власти, а католические государи – враги Габсбургов стали естественными союзниками немецких протестантских князей (что сохранялось даже в XVII в.).

Традиционное политическое противостояние определило новые дипломатические альянсы и притягивало друг к другу даже государства, разные по своей конфессиональной принадлежности. Эта тенденция еще более усиливается во второй половине века, когда решения Тридентского собора, по сути, обозначили размежевание в Европе именно по конфессиональному признаку и во внешней политике, как и в дипломатии, резко интенсифицируется значение конфессионального фактора⁵. На эволюцию международных отношений действительно серьезно повлияли ход и решения церковного собора, тем более, что протестантские представители категорически отказались от приглашения принять участие в его заседаниях.

Даже католические монархи вынуждены были трезво решать вопрос о религиозном инакомыслии в своих государствах и решения собора вызвали неоднозначное отношение. Неслучайно французская делегация не только вступала в столкновения во время Тридентского собора, но в инструкциях, направленных кардиналу Лотарингскому, содержались требования реформы католической церкви, причем по узловым вопросам (причащения, отмены celibата и использования при богослужения национального языка (к последнему католическая церковь пришла только в конце XX века))⁶. Екатерина Медичи даже предписывала французской делегации покинуть собор в случае нарушения прав короны. О неоднозначности этой позиции Франции можно судить даже потому, что пламенный гугенот Агриппа д'Обинье, который весьма нелицеприятно оценивал как политику французского

правительства, так и личность Екатерины Медичи, в своей «Всемирной истории» счел необходимым отметить важность позиции французских дипломатов на Тридентском соборе и их недовольство ходом собора претензиями, по его выражению, «империалистов» (*les imperialists*)⁷.

Решения Тридентского собора, четко порвавшего с самой идеей даже внутрицерковной реформы и тем более примирения с протестантами (что вызывало неудовольствие даже католических держав), определили позицию инаковерующих. Эти решения наглядно показывали инакомыслящим, что обновленный католицизм ставил своей задачей подавить религиозное инакомыслие в Европе. Это означало постановку в порядок дня вопроса о вооруженном противостоянии, возникновения новой идеологии в целях оправдания мятежа против законной, но недальновидной власти и развертывания гражданских войн⁸. Неслучайно Кальвин задолго до окончательных постановлений собора (1547) выступил против решений собора с трактатом «*Acta synodi tridentinae cum antidote*» (Акты тридентского собора с противоядием). Последователи протестантизма не просто объединяются, но вступают в борьбу с Контрреформацией и ее передовым отрядом – Испанией. После вступления в 1558 г. на трон Елизаветы I Англия окончательно оказалась в лагере протестантских государств, и ее ресурсы фактически способствовали поддержке континентальных протестантов в ходе религиозных войн второй половины века, а дипломатические отношения определялись во многом главным направлением внешней политики. Протестантские правители разных толков и государств последовательно помогали своим единоверцам, оказавшимся преследуемым меньшинством. Так, Вильгельм Оранский находил убежище в Германии, французские кальвинисты последовательно получали от немецких князей не только ресурсы, но и военные отряды для борьбы с собственным правительством.

Идея конфессиональной общности в международных отношениях приобрела и теоретическую основу. Ф.Дюплесси Морнэ и Ю.Ланге (оба теоретики протестантов сыграли и роль ведущих протестантских дипломатов) в программном сочинении тираноборцев «Иск к тиранам» изложили особый взгляд на эту не столько религиозную, сколько политическую проблему. Вся четвертая глава данного сочинения под весьма показательным названием «Могут ли соседние государи, которые придер-

живаются законов, оказывать помощь подданным других государей, выступив ради дела защиты истинной религии или же подавления открытой тирании»⁹ посвящена не просто идее легализации чужеземного вмешательства в религиозные конфликты на территории других государств, но, по сути, вменяла правителям, отказавшимся от католицизма, в обязанность поддерживать «истинную веру» за пределами своего государства. По сути, в сочинении легализовано вооруженное вмешательство во внутренние дела другого государства «соседний князь может совершенно справедливо с точки зрения религии и права, перейти границы своих владений»¹⁰. Авторы все же оговаривают, что подобное вмешательство не служит посягательству на чужие владения, но предназначено только для «воспитания» глупого или дурного соседа, чтобы «возвратить его к своим обязанностям». Более того, если государь не делает этого во имя жалости к преследуемым недостойным монархом соседям, то судить следует уже его самого как предателя церкви. Таким образом, протестантским государям предписывалось вооруженное вмешательство в дела соседних государств именем религии и церкви. Тем самым религиозные теоретики стали весьма своеобразно интерпретировать нормы формирующегося международного права. Религия ставилась выше политических обычаев и общепринятых международных отношений. Эти идеи открывали дорогу к межконфессиональным войнам, охватившим в итоге большую часть Европы.

На основании подобных предписаний протестантские правители (прежде всего, германские князья, пользовавшиеся плодами Аугсбургского мира) не просто объединялись (примером служит Шмалькальденская Лига, а затем Евангелическая Уния 1508); они пытались активно помочь единоверцам. Эта тенденция к объединению (тем более, что к концу XVI в. под влиянием Контрреформации наблюдаются новые переходы правителей от одной конфессии к другой (Якоб Баденский вернулся к католицизму, Людвиг Пфальцский перешел в лютеранство)), настолько усилилась, что к концу XVI в. Европа окончательно раскололась по религиозному признаку.

Внешнеполитические союзы, как правило, объединяются идеей конфессиональной солидарности. Лагерь протестантов возглавлялся Англией, к которой присоединяется Республика Соединенных провинций, а также ряд более мелких протестант-

ских государств, по преимуществу княжеств Германии. Конфессиональная солидарность в Германии во многом осложнялась умеренной политикой имперских Габсбургов, так что Веттины Саксонские, фанатичные лютеране, предпочитали ориентироваться на императора, чтобы не вступать в союз с кальвинистами. Внутренние противоречия среди немецких протестантов только способствовали углублению политического раскола в империи и Европе. Последствия этих раздоров в итоге сказались в системе международных отношений уже в XVII в. Установившийся ранее религиозный мир был обречен, несмотря на все стремление объединить силы протестантов в Европе.

Новые тенденции в международных отношениях проявлялись даже в традиционных династических связях. Протестантское единство подтверждалось династическими альянсами – именно конфессиональный фактор обусловил брак Иакова I с Анной Датской, брак их дочери Елизаветы Стюарт с главой Евангелической унии Фридрихом V Пфальцским. Не менее показательны и браки принцев Оранских. Вильгельм Оранский последовательно выдавал замуж своих многочисленных дочерей (в том числе и от Шарлотты де Монпансье) за протестантских князей и за французских протестантских вельмож – Елизавета Фландринна была замужем за Анри де ла Тур д’Овернь, герцогом Буйонским (соратника Генриха Наваррского), Екатерина Бельгика за Филиппом, графом Ханау, Шарлотта – за Клодом де ла Тремуи, а Юлиана – за курфюрстом Пфальца Фридрихом IV. Сам Вильгельм вторым браком был женат на лютеранке, дочери Морица Саксонского и внучке Филиппа Гессенского. Анна, в четвертый брак вступил с убежденной кальвинисткой Луизой, дочерью убитого в Варфоломеевскую ночь адмирала Колиньи. Традиционный для средневековья метод закрепления международных договоров и альянсов приобретает в эту эпоху новый оттенок – браки по преимуществу заключаются среди единоверцев. И резон в этом был, поскольку наиболее широко известный дипломатический конфликт начала XV в. (Юлих-Клеве-Бергский) во многом оказался связанным с династическим и конфессиональным моментом. Конфликт был усложнен тем фактом, что один из претендентов, Вольфганг Пфальц-Нейбургский (как раз из-за конфликта с единоверцами) в это время вернулся в католицизм, став отверженным среди протестантов, но получив взамен поддержку католиков.

Однако, далеко не всегда в дипломатических отношениях решения определялись только конфессиональной принадлежностью. Кажется, только Максимилиан Баварский отказался от предложенной ему протестантами императорской короны. И не только протестанты вынуждены были искать союзников и среди католиков, но и иные католики (начиная с Генриха II Валуа) активно поддерживают протестантов. Отсюда позднейшая фантастическая ситуация эпохи 30-летней войны, когда римский папа поддерживал протестантских противников императора, которые к тому же получали материальную поддержку от французского министра-кардинала католической церкви, а в итоге протестантизм навечно закрепился в Германии.

В целом в дипломатических отношениях в связи с религиозным расколом появились новые нюансы. Прежде всего, расширяется круг посланников. Даже внутри одного государства ради ослабления противостояния могли заключаться договоры, могли направляться послы и т.д. Особый размах этот процесс приобретает в ходе религиозных войн во Франции, когда протестанты ведут переговоры как с французским правительством, так и с другими государствами. Нередко приходилось решать и неожиданные вопросы. Тон здесь задавала дипломатия итальянских государств: так, чуть ли не первым государством признавших королю Франции Генриху IV оказалась Венецианская республика. Кроме того, нередко ситуация осложнялась необходимостью участия в дипломатических мероприятиях, где были представлены государства с разными конфессиями и отстаивать правоту внешней политики, что неоднократно наблюдалось, к примеру, на имперских сеймах.

В связи с новыми явлениями в международных отношениях возникает потребность и в новых профессионалах. Новые дипломаты, от которых требовалась не столько знатность и представительство, сколько гибкость реагирования и активность, рекрутировались по преимуществу из чиновничьей или интеллектуальной среды. В этом плане аристократия дала только двух крупных дипломатов – кардинал Лотарингский, представитель Франции на Тридентском соборе, и Христиан Анхальтский. Еще одной особенностью дипломатических отношений периода религиозных войн и Контрреформации следует считать активное участие в дипломатических переговорах разного уровня эрудитов, идеологов различных лагерей, прежде всего последователей различных ветвей протестантизма.

ма. Вполне логично, что правители посылали со сколькими поручениями тех, кому доверяли. Логично и то, что эти идеологи обычно состояли при своих государях и чаще всего посылались к единоверцам или, по крайней мере, сторонникам протестантизма. Так, Генрих Наваррский в качестве дипломатического посланца трижды направлял с дипломатической миссией своего советника (и одного из ведущих теоретиков кальвинизма) Филиппа Дюплесси – Морнэ в Англию¹¹. При этом его миссии были удачными, и королева Елизавета предоставила ему 80 тысяч футов стерлингов. Посол даже присутствовал (кальвинист!) в театре на представлении «Парижской резни» К. Марло и лицеизред на сцене не только своего монарха, но и самого себя. Успешный опыт в качестве дипломата обеспечил ему дальнейшую судьбу – Морнэ выполнял дипломатические функции и при католическом дворе Генриха III¹². Как свидетельствуют биографы и Генриха III, и Генриха Наваррского, успехам всех переговоров способствовала дипломатическая гибкость Морнэ¹³.

Не менее успешно выступал в качестве дипломата и последовательный противник неограниченной монархии и защитник идеи народного суверенитета, знаменитый автор «Франкогаллии» Ф. Отман. В отличие от Морнэ, который служил не только делу кальвинизма, но и своему монарху, Отман выступал в качестве дипломата по преимуществу при немецких дворах, и был близок с лидерами немецких протестантских князей – Филиппом Гессенским, его сыном Вильгельмом и курфюрстом Саксонии Иоганном-Фридрихом Великодушным. Ими-то, по всей видимости, и была выдвинута кандидатура Ф.Отмана для выступления на имперском сейме во Франкфурте с целью оправдания вооруженного выступления протестантов в глазах императора Максимилиана II и всех чинов Священной Римской империи (в том числе и католиков)¹⁴.

Таким образом, можно отметить, что князья при назначении на дипломатические миссии далеко не всегда использовали собственных подданных, и даже не всегда своих собратьев по конфессии. Бывали примеры, когда посылали не всегда стойкие в вере католики последователей протестантизма или столь же нестойких в вере католиков на чисто католические собрания. Король Наваррский Антуан Бурбонский отправил Ф. Бодуэна в качестве своего представителя на Тридентском соборе.

Следует отметить, что, несмотря на то, что во второй половине века, последователи лютеран-

ства занимали крайне негативную позицию в отношении конфессий, на которые не распространялась Формула согласия (именно лютеранские князья потребовали исключить из сферы действия Аугсбургского мира Пфальц, после того, как курфюрст Фридрих принял кальвинизм). Тем не менее курфюрст Саксонии Август на долгие годы (1559-1577) избрал своим дипломатическим представителем убежденного кальвиниста Юбера Ланге, который защищал интересы протестантов внутри империи (как представитель курфюрста он посетил Прагу. Кельн, Вену и принимал участие во Франкфуртском сейме). Самым любопытным, однако, было выступление француза Ланге в качестве посланца саксонского курфюрста перед собственным королем Карлом IX в 1570, а спустя год курфюрст направил его с другими послами для поздравления короля Франции с заключением Сен-Жерменского мира. Курфюрст отправил его на несколько лет с дипломатической миссией в Вену. Обосновавшись в Виттенберге, теоретик кальвинизма поддерживал своих единоверцев-кальвинистов (он даже использовал свой дипломатический статус для укрытия гугенотов в Варфоломеевскую ночь) и верность вере перевесила дипломатическую гибкость – Ланге попросил у курфюрста отставку после того, как в Саксонии начали преследовать кальвинистов. Показатель но, что при этом он обосновался в Кельне (1577), т.е. не просто в католическом княжестве, а в церковном. Эта подчеркнутая конфессиональная терпимость не помешала ему чуть позже стать дипломатом при чисто кальвинистском дворе Яна Казимира Пфальцкого вести дипломатические переговоры в более традиционном духе с единоверцем, то есть Вильгельмом Оранским¹⁵. Следует отметить, что эти выдающиеся мыслители как дипломаты последовательно отстаивали и проводили идею необходимости религиозных и гражданских свобод для защиты религиозного инакомыслия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на развитие дипломатических отношений в XVI в. большое воздействие оказала Контрреформация и религиозное противостояние. Конфессиональные противоречия не только обусловило раскол Европы, но и привели к вспышке религиозных и гражданских войн в разных странах. В силу необходимости формируется дипломатический опыт ведения переговоров между государствами расколотой в религиозном отношении Европы. При этом с одной стороны вырабатывалась

практика общения между государствами различной конфессиональной принадлежности. С другой – расширяется круг дипломатических представителей, которые собственно могли и не быть государственными служащими, но широко были

известны в Европе как ученые и эрудиты. Подобная практика продолжалась и в XVII в., достаточно того, что великий художник Рубенс выступал в качестве посланника католических государей при английском дворе.

ССЫЛКИ:

¹ Циватый В.Г. Институты дипломатии европейских государств раннего Нового времени (XVI-XVIII вв.) / В.Г. Циватый // Науковий вісник Дипломатичної академії України. – К., 2010. – Вип. 16. – С. 280-284.

² Эта концепция наиболее четко изложена в лучшем труде, посвященном дипломатии данной эпохи. См. Mattingly G. Renaissance Diplomacy. Boston and London, 1955 (Reed.New-York, 2010). К ней близка точка зрения и других авторов См. например Hale J. R. International Relations in the West Diplomacy and the War // New Cambridge Modern History. Vol. I. Ch IX. Pp. 259-291; Thompson, J. W., Padover S. K.. Secret Diplomacy: Espionage and Cryptography, 1500–1815. New-York, 1963; Studies in Diplomatic History: Essays in Memory of David Bayne Horn / Ed.Hatton, R.. Anderson M. S. L., 1970. С этой концепцией не вполне согласны Р. Маккенни и Р. Бонне. См. Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004; Bonney, R. The European Dynastic States, 1494–1660. Oxford, 1991. Но ее влияние можно заметить в новейших трудах о дипломатии и государственности в интересующий период. См. Barkin, J., Cronin B. The State and the Nation: Changing Norms and the Rules of Sovereignty in International Relations //International Organization 48(1) (1994). P. 107–130. Anderson, M. S. The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. London-New York, 1993.

³ Маккенни Р. XVI век. Европа. Экспансия и конфликт. М., 2004. – С. 277.

⁴ Olivier Ch. La paix de religion: L'autonomisation de la raison politique au XVI siècle. P., 1997.

⁵ О Тридентском соборе и его решениях см. Cristiani L., L'Eglise à l'époque du Concile de Trente // Histoire de l'église depuis les origines jusqu'à nos jours / ed. A. Fliche and V. Martin. P., 1948. XVII.

⁶ Mémoire baillé à Monseigneur le cardinal de Lorraine quand il party pour aller au concile. 1562 // Instructions et lettres des rois très chrétiens. Et de leurs ambassadeurs et autres actes conservants le conciles de Trente : P., 1654. – P. 335-337.

⁷ Aubigne Th.A. L'histoire universelle comprise en 3 tomes. Amsterdam, 1626. – T.I. – P. 26.

⁸ Об этом см. Heller H. The Iron and the blood: Civil Wars in Sixteenth Century France. Montréal; Kingston, 1991; Reformation, Revolt and Civil War. Amsterdam, 1998; Williams T. The Myths of religious violence. Secular ideology and the roots of modern. Oxford, 2009.

⁹ Vindictia contra tyrannos sive de principis in populis populique in principem legitime potestate S.I., 1579. В работе использовалось издание на французском языке «De puissance legitime du Prince sur le peuple et du peuple sur le Prince. S. L., 1581. – P. 243.

¹⁰ Ibid. P. 263.

¹¹ Daussy H., Les huguenots et le roi : le combat politique de Philippe Duplessis-Mornay (1572 – 1600). Genève, 2002.

¹² Duplessis Mornay Ph. Mémoires // Duplessis Mornay Ph. Mémoires et correspondance. P., 1824-1825, V. I.

¹³ См. Например, Баблон Ж. Генрих IV. Ростов-на-Дону, 1999. – С. 245 и др.

¹⁴ Kelley D. François Hotman. A revolutionary's ordeal. Princeton, 1983.

¹⁵ Nicollier B. Hubert Languet (1518 – 1581): un réseau politique international de Mélanchton à Guillaume D'Orange. Geneve, 1995.

Elfond I.Y. Confessional contradictions in Europe and diplomatic relations during the religious struggle of the XVI century / Saratov State University named after N.G.Chernyshevsky.

The article examines the history of diplomatic relations of the XVI century during the religious struggles in Europe. The author concludes: the Counter-Reformation and religious confrontation have made the greatest impact on the development of confessional and diplomatic relations at that time.

Keywords: diplomacy, foreign policy, Counter-Reformation, Europe.

Ельфонд І.Я. Конфесійні протиріччя в Європі і дипломатичні відносини в період релігійної боротьби XVI ст. / Саратовський державний університет імені М. Г. Чернишевського.

У статті розглядається історія дипломатичних відносин XVI століття в період релігійної боротьби в Європі. Автором зроблено висновок про те, що на розвиток конфесійних і дипломатичних відносин у той час великий вплив справила Контрреформація і релігійне протистояння.

Ключові слова: дипломатія, зовнішня політика, Контрреформація, Європа.

Стаття надійшла до редколегії 14.05.2013

Прийнята до друку 24.06.2013